

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ РУССКОГО ИЗДАНИЯ
К КНИГЕ Л.РОССА И Р.НИСБЕТТА "ЧЕЛОВЕК И СИТУАЦИЯ. УРОКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ"(М.: Аспект Пресс, 1999)

Мы испытываем огромную радость, представляя читателям книгу "Человек и ситуация. Уроки социальной психологии" и ее авторов.

Ли Росс — профессор психологии Стэнфордского университета (США), один из основателей Стэнфордского центра по изучению конфликтов и переговоров, действительный член Американской академии наук и искусств. Он родился в 1942 году в Канаде, его предки по материнской линии - выходцы из России. Росс учился в Торонтском университете (Канада), а затем поступил в аспирантуру Колумбийского университета в Нью-Йорке, где его наставником стал известный американский психолог, ученик Л. Фестингера (который в свою очередь был учеником Курта Левина) Стэнли Шехтер. В 1969 г. Росс окончил аспирантуру и с тех пор преподает и ведет исследования в Стэнфордском университете, в Калифорнии.

Перу Л.Росса принадлежат десятки статей и несколько книг, но особенно широкую известность принесла ему статья *"Интуитивный психолог и его несовершенства: искажения в процессе атрибуции"* (*The Intuitive Psychologist and His Shortcomings: Distortions in the Attribution Process*), опубликованная в 1977 г. и ставшая в 1980-е гг. самой цитируемой статьей в социальной психологии. Именно в этой публикации Россом впервые было сформулировано понятие фундаментальной ошибки атрибуции.

В 1970-80-е гг. Росс был более всего известен своими исследованиями социального познания, которые выдвинули его в число лидеров, свершившейся в это время когнитивной революции в социальной психологии. В 1990-е гг. еще одним предметом его научных интересов становится психология социальных конфликтов. Продолжая

свои исследования психологических несовершенств человека, он обращается к сфере, где эти несовершенства выражены, пожалуй, наиболее ярко и имеют наиболее пагубные последствия — к социальным конфликтам. Психологические барьеры на пути разрешения подобных конфликтов и стратегии их преодоления — одна из приоритетных тем нынешних исследований Л.Росса и предмет книги, над которой он сейчас работает.

Характерной особенностью научной и жизненной позиции Росса является то, что для него важно не только описать и понять эти драматические процессы, но и внести посильный вклад в их практическое разрешение. Росс участвовал в организации переговоров по разрешению или смягчению наиболее острых противостояний в современном мире. Летом 1991 г. он был организатором встречи видных представителей Израиля и Фронта освобождения Палестины, на которой произошел важный прорыв в отношениях между двумя этими народами. Позже Л. Росс организовывал переговоры между участниками армяно-азербайджанского конфликта, а сейчас помогает религиозным деятелям противостоящих общин в северной Ирландии наладить диалог между католиками и протестантами.

В 1981 г. Росс посетил Советский Союз, и был первым (или одним из первых) американским ученым, кто прочитал курс лекций по социальной психологии. Росс приезжал в Советский Союз еще дважды — уже в период Перестройки — в качестве консультанта американской компании “Лайфспринг” (“Lifespring”), начинавшей в то время проводить у нас психологические тренинги.

Ричард Нисбетт — профессор психологии Мичиганского университета (Энн Арбор, США). Он родился в 1941 г. в Эль Пасо, штат Техас. В 1962 г. он окончил Тафтский университет, а затем поступил в аспирантуру Колумбийского университета, где его научным руководителем стал Стэнли Шехтер. После окончания аспирантуры

Нисбетт преподавал в Йельском университете, а в 1971 г. приходит в Мичиганский университет, где работает по сей день.

Р.Нисбетт принадлежит к числу самых известных современных социальных психологов. Он удостоен двух наиболее престижных профессиональных наград — премии Американской психологической ассоциации за выдающийся вклад в науку (1991) и премии Общества экспериментальной социальной психологии выдающемуся ученому старшего поколения (1995). Нисбетт внес значительный вклад во многие области социальной психологии — в изучение проблем избыточного веса и психологии питания, процессов причинной атрибуции (он вместе с Э.Джонсом открыл знаменитый феномен различий в атрибуциях деятеля и наблюдателя), обыденных статистических рассуждений, индуктивного мышления.

В 1980 г. вместе с Россом Нисбетт выпустил одну из лучших книг, ознаменовавших когнитивную революцию в социальной психологии — *"Человеческое умозаключение: стратегии и недостатки социальных суждений"* (*Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment, 1980*).

В 1990-х гг. Нисбетт также активно включается в изучение культурных факторов и их влияния на социально-психологические процессы. Частично эти его интересы отражены в книге *"Культура чести: психология насилия на юге США"* (*Culture of Honor: The Psychology of Violence in the South, 1996*), написанной вместе с Д.Коэном.

Итак, книга *"Человек и ситуация"* — результат плодотворного сотрудничества двух лидеров мировой социальной психологии, двух учеников Стэнли Шехтера (и последователей Курта Левина), двух активных участников когнитивной революции в социальной психологии, счастливому соавторству которых не мешает территориальная

удаленность друг от друга (они живут в разных концах Соединенных Штатов Америки на расстоянии нескольких тысяч километров).

"Человек и ситуация" посвящена ключевому для поведенческих наук вопросу о связности человеческого поведения, о наличии в нем закономерностей и о возможности на основе этих закономерностей предсказывать поведение. Основной пафос авторов заключается в демонстрации всей сложности этого вопроса и ошибочности распространенных ответов на него. Авторы убеждены, что трудно — а чаще всего невозможно — предсказать поведение человека в конкретной новой ситуации на основании наблюдений за его действиями в других ситуациях или на основании знаний о его чертах личности. И эта их позиция бросает вызов здравому смыслу, привычным убеждениям, присущим всем нам как интуитивным психологам. Таким образом, читателю сразу становится интересно — и авторам (и научным редакторам!) не нужно, как это часто приходится делать, оправдываться, объяснять, почему наука не сообщает нам о человеке ничего неожиданного. Социально-психологическое знание, как пишут авторы, для начала не столько помогает нам предсказывать поведение конкретных людей или групп, сколько лишает нас уверенности в принципиальной возможности такого предсказания на основе той информации, которую обычно используют для этих целей¹.

Чтобы обосновать эту свою позицию и показать на основе каких закономерностей и какой информации все же можно осуществлять успешные предсказания (или хотя бы объяснения) поведения, авторы

---

¹ "Человек и ситуация" посвящена ключевому для поведенческих наук вопросу о связности человеческого поведения, о наличии в нем закономерностей и о возможности на основе этих закономерностей предсказывать поведение. Основной пафос авторов заключается в демонстрации всей сложности этого вопроса и ошибочности распространенных ответов на него. Авторы убеждены, что трудно — а чаще всего невозможно — предсказать поведение человека в конкретной новой ситуации на основании наблюдений за его действиями в других ситуациях или на основании знаний о его чертах личности. И эта их позиция бросает вызов здравому смыслу, привычным убеждениям, присущим всем нам как интуитивным психологам. Таким образом, читателю сразу становится интересно — и авторам (и научным редакторам!) не нужно, как это часто приходится делать, оправдываться, объяснять, почему наука не сообщает нам о человеке ничего неожиданного. Социально-психологическое знание, как пишут авторы, для начала не столько помогает нам предсказывать поведение конкретных людей или групп, сколько лишает нас уверенности в принципиальной возможности такого предсказания на основе той информации, которую обычно используют для этих целей¹.
"Человек и ситуация", М.: "Академический журнал", 1997. ? 30.

проводят своеобразную *инвентаризацию идейных, теоретических достижений социально-психологической науки*. Они формулируют три основных идеи, на которых, по их мнению, покоится здание современной социальной психологии.

Первая идея - это положение *о сильном детерминирующем влиянии непосредственной социальной ситуации*, в которой находится человек, причем влиянии, которое часто идет со стороны неочевидных или незначительных, на первый взгляд, особенностей ситуации (таких, например, как наличие в ней определенных "каналов", способствующих проявлению активности индивида).

Представляя эту идею, авторы воздают должное научному подвигу бихевиористов, решившихся наложить условный запрет на апелляции к внутреннему миру человека и сосредоточивших внимание на "власти стимулов" в детерминации поведения. Однако отцом ситуационистского подхода в *социальной психологии* они считают, конечно, Курта Левина, чьи экспериментальные работы — начиная со знаменитого эксперимента с демократическим и авторитарным групповым климатом, — неизменно привлекали внимание к могуществу влияния непосредственной социальной ситуации. Обосновывая идеи ситуационизма, а также и другие идеи своей книги, Росс и Нисбетт мобилизуют ресурсы различных наук и методов анализа, свободно чувствуя себя не только в психологии, но и в социологии, культурологии, статистике и т.п.

Вторая идея касается *субъективной интерпретации (construal)*² и ее влияния на поведение человека. В этом пункте социально-психологический ситуационизм отличается от бихевиористского и даже противостоит ему. По мысли авторов, субъективная интерпретация не является ни зеркальным отражением внешней ситуации, ни продуктом абсолютно произвольного "конструирования реальности" познающим

---

² ?? . ??? ???? ?????? ? ?????? ?????? construal ?? ?.....

субъектом, а представляет собой результат именно *взаимодействия* между человеком и ситуацией.

И здесь снова речь идет не просто о том, что субъективное восприятие и понимание важны, а о том, что люди не осознают наличия этого влияния ("наивный реализм"), недооценивают изменчивость и разнообразие субъективных интерпретаций одной и той же объективной ситуации и, когда объясняют чужое поведение, бывают не в состоянии внести поправки на межиндивидуальные различия интерпретаций.

Третья идея касается *конфигурации сил*, которые действуют внутри психологических систем субъекта, а также в тех социальных системах, частью которых он является. Конкретно речь идет о том, что спокойствие этих систем лишь кажущееся. На самом деле эти *системы являются внутренне напряженными*, и их стабильность поддерживается сложным балансом множества противоположно направленных сил, которые находятся в равновесии. Это равновесие достаточно устойчиво и может до поры до времени противостоять напору внешних воздействий. Но если все же его удастся нарушить, то изменения приобретают лавинообразный характер, поскольку высвобождаются мощные силы уже до этого существовавшие внутри системы. Но для внешних наблюдателей эти изменения выглядят неожиданными, поскольку они часто не замечают динамического ("квазистационарного") характера стабильности напряженных систем. Примечательно, что в качестве примеров такого впечатляющего изменения квазистационарной системы авторы рассматривают разрушения социалистических режимов в СССР и странах бывшего Восточного блока, последовавшие друг за другом как цепная реакция в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Уже самого по себе описания этих "трех китов" социальной психологии хватило бы для новаторской и поучительной книги (и мы уверены, что многие преподаватели будут считать достаточным, если студенты или аспиранты ознакомятся с тремя первыми главами книги), но

авторы пошли дальше и рассмотрели, как эти идейные достижения социальной психологии связаны с задачами предсказания (или, как минимум, объяснения) человеческого поведения.

Четвертая, пятая и шестая главы книги посвящены скрупулезному анализу того, что могут (и главное — чего *не* могут) дать для предсказания поведения, опирающиеся на информацию только о свойствах личности подходы, которые принято называть диспозиционными. Вызывает восхищение та тщательность и глубина, с которой авторы пытаются докопаться до психологического смысла столь хорошо всем известных коэффициентов корреляции и других привычных статистических показателей (по этой причине, кстати, четвертая глава — самая трудная, и ее при первом чтении книги можно пропустить).

Росс и Нисбетт убедительно показывают, что судя по корреляциям, полученным в строго контролируемых научных исследованиях, диспозиционные, т.е. базирующиеся на свойствах человека, прогнозы поведения конкретного человека в конкретной новой ситуации малоэффективны. Данный вывод покушается не только на наши интуитивные убеждения, но и на огромное количество процедур и традиций, принятых в современном обществе. Это практика отбора и подбора людей на различные профессиональные позиции, от обычных служб по подбору кадров до утонченных программ отбора космонавтов, сотрудников спецслужб и т.п. Это также предвыборные программы, акцентирующие сложившиеся черты личности кандидата. Это — литературная и журналистская традиция, задающая образ героя набором его устойчивых черт и “пожизненных” особенностей поведения. Здесь, наконец, и наши собственные повседневные обсуждения друг друга, сплошь построенные на объяснениях поведения других людей на основе их личностных особенностей, и, что не менее важно, наши схемы интерпретации самих себя и своего поведения. И вдруг оказывается — что все эти процедуры и традиции лишены смысла, поскольку, судя по

результатам эмпирических исследований, согласованность поведения человека в разных ситуациях очень низка.

К счастью, дело обстоит не столь трагично, поскольку в повседневной жизни человек обычно действует в ограниченном круге повторяющихся ситуаций. И потому, наблюдая и прогнозируя его поведение, мы неявно исходим из того, что даже *другая* ситуация будет не так уж сильно отличаться от нынешней. Это обстоятельство помогает нам успешно прогнозировать поведение и эффективно взаимодействовать с людьми. иными словами, черты личности в определенном диапазоне “работают”, поскольку на самом деле они, если так можно выразиться, являются “чертами личности-и-ситуаций” данного человека.

Чтобы пояснить этот сложный ход своих рассуждений, авторы прибегают к аналогии с физикой. Почти во всех физических взаимодействиях, с которыми нам приходится сталкиваться в повседневной жизни, мы вполне обходимся ньютоновской и даже еще более некорректной аристотелевской физикой, и только в особых условиях (при скоростях, близких к скорости света) ученым приходится использовать более общую физическую теорию Эйнштейна. Точно также дело обстоит и с человеческим поведением: обыденный диспозиционизм вполне срабатывает, пока не возникает некая нетипичная, нестандартная, “остраненная” ситуация — например та, что смоделировал в своем знаменитом исследовании Стэнли Милгрэм. И в этих случаях часто пропадают индивидуальные различия, а большинство людей начинают действовать так, как диктуют внешние давления и ограничения, и стоящие за ними люди-манипуляторы разного масштаба.

Для того, чтобы представить действие иных — “эйнштейновских” — законов в социальной жизни, нам нет нужды воображать скорости, близкие к скорости света. Достаточно лишь вспомнить описанный А.И. Солженицыным и В.Т.Шаламовым Архипелаг ГУЛАГ, или упоминаемые авторами книги нравы фашистской Германии и трагедию Холокоста.

Седьмая глава книги посвящена тому, что может дать знание культуры, к которой принадлежит человек, и культурных различий для предсказания и понимания его поведения. Воздействие культуры авторы продолжают рассматривать сквозь тот же трехгранный "магический кристалл" социальной психологии. Они показывают, что разные культуры ставят человека в разные *ситуации*, помещают его в различные *напряженные системы* и вооружают его разными средствами *субъективной интерпретации* реальности. Что произвело на нас в этом разделе книги наиболее сильное впечатление — так это показ изменчивости культурно детерминированных характеристик людей.

В сегодняшних российских условиях культура является объяснительной палочкой-выручалочкой для всех наших неприятностей и трудностей. Например, именно культурной спецификой россиян, их "менталитетом" чаще всего объясняют трудности на пути либеральных реформ. И подобная специфика, действительно, существует, но нет ничего ошибочнее считать сложившуюся конфигурацию этих отличий вечной, раз навсегда данной. Росс и Нисбетт убедительно демонстрируют изменчивость культурно детерминированных психологических образований и поведенческих привычек. Достаточно упомянуть хотя бы колоритное описание ими того, как за несколько десятилетий XX века изменился "менталитет" ирландцев в США и отношение к ним окружающих. На наш взгляд российский менталитет и российская культура тоже меняются буквально на наших глазах, но в общественном мнении это пока недостаточно осознано.

Читая интереснейшие страницы о межкультурных различиях поведения и психических процессов, мы испытывали громадное сожаление, что в книге отсутствует материал о России, о том самом нашем менталитете, который пока, к сожалению, мало включен в межкультурные сопоставления. Насколько более полезными были бы подобные исследования, нежели бесконечные рассуждения о нашей

социально-психологической специфике, часто служащие лишь оправданием самоизоляции и игнорирования достижений мировой науки и культуры!

Заключительная, восьмая глава посвящена практическим приложениям социально-психологического знания. Она принципиально важна для замысла книги: ведь если верно, что "нет ничего практичнее хорошей теории", то теоретическая триада — *ситуационизм, субъективизм, динамизм напряженных систем* — должна оказаться полезной для планирования практических приложений и их анализа. Более того, дело похоже выглядит так, что сами теоретические вопросы, над которыми мучаются авторы книги, порождены насущными требованиями практики.

И в этой главе читателя тоже ждет масса неожиданного и интересного. Прежде всего поражает обилие практических приложений. Авторы называют их *социальными вмешательствами*. И хотя мы заменили используемое в оригинале слово *intervention* более привычными нам синонимами, но все же ассоциирующийся со словом "интервенция" дух активного преобразования жизни кажется нам весьма привлекательным и заслуживающим заимствования.

Проанализировав большое количество реализованных в США социальных программ и реформ, начиная с решения общенациональной задачи расовой десегрегации и заканчивая многочисленными локальными программами помощи трудным подросткам из малообеспеченных слоев населения, Росс и Нисбетт приходят к чрезвычайно важному для рядового налогоплательщика (а именно перед ним приходится отчитываться за те деньги, которые тратятся на шумные социальные программы и эксперименты) выводу. Оказывается, что часто наблюдается обратная зависимость между масштабом реализуемой программы и, соответственно, объемом вложенных в ее реализацию средств, и ее практическими, особенно долгосрочными, результатами. Чем более

масштабным является социальное вмешательство, тем труднее учесть в нем разнообразные варианты индивидуального реагирования человека на изменение ситуации. И наоборот, относительно незначительные по масштабам воздействия, при которых существует реальная возможность точнее учесть реакции людей на то, что Росс и Нисбетт называют "тонкими особенностями ситуации", часто приводят к более значительным результатам, превосходящим эффекты широкомасштабных программ.

Весьма поучительны в этом смысле критические социально-психологические разборы гигантских социальных программ (типа уничтожения трупоб), кончившихся неудачами. Но наибольший энтузиазм, конечно, вызывают примеры успешных социальных проектов, которых в книге описано тоже более, чем достаточно.

Из этой главы (как и из некоторых ей предшествующих) возникает нерекламный, неприглаженный образ американского общества, в котором существует много проблем — в организации производства, в межэтнических отношениях, в системах городского расселения, в образовании, здравоохранении и в других сферах. Но одновременно мы видим, как *реагируют на эти проблемы ответственные и образованные граждане этой страны*. Американские интеллигенты, замечательными представителями которых являются Ли Росс и Ричард Нисбетт, не только фиксируют и научно описывают проблемы (что тоже, конечно, немало), но и мобилизуют для их решения имеющиеся интеллектуальные — в том числе социально-психологические — ресурсы.

Еще одно важное достоинство главы о практических приложениях - она избавляет российских ученых от необходимости самим придумывать доказательства высокого прикладного потенциала социально-психологического знания и аргументы в пользу того, что для добывания, хранения, передачи и использования этого знания необходимо создавать отсутствующие сегодня организационные и экономические условия.

Книга Росса и Нисбетта, кроме трех идейных уроков, о которых мы уже не раз говорили, содержит и четвертый — более общий. Речь идет о роли науки в понимании сложнейших явлений внутреннего мира человека и его деятельности. Многие десятилетия развитию социальных наук в СССР препятствовали идеологические запреты, которые сегодня, к счастью, отменены жизнью. Но возникли новые, если можно так выразиться, методологические сопротивления на пути научного подхода к социальным и психологическим феноменам. Мы имеем в виду популярные сегодня рассуждения о неприменимости "позитивистских" подходов к изучению сложных феноменов человеческой деятельности, о различии между "объяснением" (применимым якобы лишь к объектам физического мира) и "пониманием" (претендующим на монополию в познании антропологических и социальных феноменов), о преимуществах "качественной" методологии в сравнении с "количественной" и т.д.

Лучшим ответом на подобный методологический скепсис (а также на попытки заменить науку мистикой) служит описание Россом и Нисбеттом реальных идейных достижений научной социальной психологии, демонстрация их преимуществ перед житейскими стереотипами и их рабочего потенциала в решении теоретических и прикладных задач.

Из того, что мы рассказали о книге, видно, что она — полностью или отдельными своими главами — послужит полезным учебным пособием для студентов и аспирантов разных специальностей — психологов, социологов, политологов, экономистов, культурологов, менеджеров, социальных работников и др. Интересна будет она и соответствующим специалистам, причем как "теоретикам", так и "практикам". Вообще ее можно рассматривать как пособие для всех тех, кто хочет составить представление об основных теоретических идеях социальной психологии и их применимости в разных областях науки и жизни. Важным достоинством этой книги является то, что ее можно

читать частями, или даже отдельными главами. В то же время мы уверены, что для многих из тех, кто начнет ее чтение, эта книга станет настольной. Издательство и научные редакторы будут весьма признательны читателям за критические замечания и пожелания, которые будут учтены в последующих изданиях.

Мы благодарны издательству "Аспект Пресс" за то, что несмотря на неблагоприятные изменения экономической ситуации в стране, оно не отказалось от издания этой книги и всячески содействовало ее подготовке к печати. Мы также хотели бы выразить глубокую благодарность Ирине Ивановне Жибровой за литературное редактирование книги и проявленные при этом высочайший профессионализм и готовность к диалогу.

Владимир Магун
кандидат психологических наук
заведующий сектором исследований личности
Института социологии РАН,

Евгений Емельянов
кандидат психологических наук
старший научный сотрудник
Института истории естествознания и техники РАН

апрель 1999г.